

Французская судебная система.

Раннее средневековье для Франции характерно отсутствием внятных централизованных законов. Это объясняется просто: они не приняли римскую систему управления. Говоря по чести, франки в отличие от остальных «варваров» имели весьма малый коэффициент окультуриваемости. В то время как аланы, вандалы и другие весьма быстро вливались в общество Древнего Рима, так как и сами были вполне продвинутыми в культурном плане народами, франки были в некотором роде закостенелыми. Во-первых, они не мылись и отрицали всякую банную процедуру, во-вторых, не принимали ничего римского: ни обычаев, ни одежды, ни даже полезных для выживания вещей. Жили также как их далекие предки. К несчастью для Рима, эти самые франки вовсе не собирались быть его гражданами и в итоге, из-за слабости империи, оттяпали себе Галлию и создали свою страну: Францию. В дальнейшем их правовая система базировалась на судебных обычаях отдельных племен франков. Уже позже сформировались местечковые правила суда: кутюмы. То есть в разных частях страны за одно и то же преступление могли назначаться разные наказания, так что преступникам могло быть выгодно, чтобы их судили в месте с более мягким судом. Такой разброд вскоре усугубился еще одним обстоятельством: частичным распространением римского права, это уже век девятый-одиннадцатый. Вот как это описано.

В зависимости от источников права вся страна делилась на две части, приблизительной границей между которыми была река Лаура. Территория южнее этой границы называлась «страной писаного права», ибо на ней действовало римское право, приспособленное под влиянием обычаев к новым условиям, за ним признавалось значение «общего обычая». Север Франции считался страной «обычного права», ибо основным источником права являлись территориальные обычаи (кутюмы).

Из этого видно, что в одной части страны, есть нормальные законы, а другая часть живет по местным правилам. В пятнадцатом веке Карл седьмой попытался собрать все эти правила и обычаи, и придать этому нормальный вид. Таким образом, было записано и получило силу закона около 300 местных кутюмов и 60 больших кутюмов, распространявших свое действие на большой территории. Впоследствии запретили создание правовых обычаев без участия короля.

По части обвинений, они рассматривались вполне обычно. Были обвинитель и обвиняемый, которые приводили поручителей и свидетелей. Судьи рассматривали дело и выносили решение. Обычные преступления могли решаться путем выплаты штрафов или неких наказаний, серьезные преступления могли привести к судебному поединку. Подробнее можно узнать в ролике <https://www.youtube.com/watch?v=HT-5T81DyaA>. Если коротко, то при недостатке доказательств, стороны могли выйти на судебный поединок, можно было отказаться от участия или выставить представителя вместо себя. Судебный поединок был представлен дракой в кругу, но были и иные формы альтернативы, вроде окунания руки в кипящую воду или переносе раскаленного железа. По форме заживления ожогов выносили решение о виновности. Если же доходило до боя, то в зависимости от знатности давали разное вооружение. Дворяне дрались в рыцарском облачении, крестьянам давали деревянные палки и щиты. Главное выкинуть противника за круг, но вполне можно убить, хотя труп все равно надо выпнуть за круг. При этом поручители признанного виновным также понесут наказание. А это значит, их либо казнят, либо выкинут вон из страны. Представители (чемпионы) дрались вместо обвинителя и обвиняемого в том случае, когда он не мог или не желал лично участвовать в поединке. Выбирались они долго с намерением уравнивать обе стороны по силе, боевым умениям и знатности.

До XIII в. судебные приговоры считались окончательными и не подлежали обжалованию. Лицо, недовольное решением судей, могло вызвать их на судебный поединок и последовательно

даться с каждым из них. Обжалование в суд вышестоящего сюзерена было возможно только в случае "ошибки в праве". А вот с 11 века при рассмотрении дел крестьян начали применять пытки, причем опять-таки только по серьезным преступлениям.

По сути, для крестьян судьей был их сеньор и он же создавал законы для подконтрольной ему местности, а суды над дворянами проводили другие более высокопоставленные дворяне. <http://lektsii.com/1-139282.html> Лишь с тринадцатого по пятнадцатый век начинается усиление королевской власти в законотворчестве. Расширяется круг дел, которые рассматриваются как тяжкие преступления и входят в категорию так называемых "королевских случаев" (фальшивомонетничество, убийство, изнасилование, поджоги и т.д.). Короли своим законодательством начинают активно вмешиваться и в религиозную сферу, дополняя нормы канонического права. Так, еще в 1268 году Людовик IX издал ордонанс, предусматривающий особое наказание за богохульство. Появляется ряд новых составов преступлений, связанных с понятием "оскорбление величества". Окончательному исчезновению представления о преступлении как "частном деле" способствовал Великий мартовский ордонанс 1357 года, который предусматривал запрет на замену наказания денежной компенсацией. По требованию сословий король лишался права помилования лиц, совершивших тяжкие преступления.

Кроме того во времена правления короля Людовика IX (XIII в.) был создан специальный судебный орган - Парижский Парламент. В дальнейшем он стал высшим апелляционным судом королевства. Парламент рассматривал по первой инстанции наиболее важные уголовные и гражданские дела, а также мог пересматривать решения и приговоры нижестоящих судов с новой проверкой всех ранее рассмотренных или вновь представленных доказательств, осуществляя, таким образом, контроль над местными судами.

А к XIV в. относится создание специального органа уголовного преследования и обвинения - прокуратура, члены которой именовались королевскими прокураторами и выступали в судах как обвинители по делам, затрагивавшим интересы монархии.

В средневековом уголовном праве Франции допускалось объективное вменение, т.е. уголовная ответственность без вины. Так, в королевских законах за некоторые политические преступления предусматривалась коллективная ответственность членов городских корпораций, а также членов семьи преступника, в том числе его детей. Законодательство и кутюмы в принципе знали понятие невменяемости, т.е. неспособности человека в силу психического расстройства осознавать значение своих действий. Но по ряду преступлений, в том числе за "оскорбление величества", к уголовной ответственности привлекались умалишенные и малолетние.

Из-за применения пыток при дознании было много приговоров с выбитыми признаниями, иногда хватали людей просто за подозрения в совершении преступлений, не имея никаких доказательств и свидетелей. Среди кучи разного хлама в статье http://www.e-reading.club/bookreader.php/1025858/Togoeva_-_Istinnaya_pravda._Yazyki_srednevekovogo_pravosudiya.html можно откопать несколько ссылок по уголовным делам. Увы, залитое на сайте, щедро сдобрено ссылками и указаниями литературы, но в весьма неудобной форме, разрывающей текст на непонятные куски. После некоторых чисток я сумел привести текст в норму и выбросил все авторские расшаркивания коллегам и помощникам.

Так вот прецедент.

24 марта 1391 г. Жирар де Сансер, человек без определенных занятий, любовался вереницей повозок, проезжавшей по улицам Парижа. Повозки принадлежали королеве, мадам де Турэн и мадемуазель д'Аркур. Жирар, увязавшийся за кортежем, показался королевским слугам весьма

подозрительным типом. Они попытались его прогнать, но он не уходил. Тогда они применили силу, призвав на помощь сержанта квартала, чтобы тот арестовал наглеца. «Увидев это, [Жирар] громко закричал, [прося] во имя Бога не сажать его в Шатле, ибо если он там окажется, он умрет»} Предчувствия несчастного оправдались: обвиненный в воровстве и признавший под пыткой свою вину, он был повешен на следующий же день.

Как видите человека осудили ни за что, ибо намерения могут быть разными, но судить надо за деяния. Здесь же простая неприязнь к бродяге повлекла его гибель, причем без каких-либо предпосылок с его стороны. Ну не хочет он уходить, ну и что? Разве может он ограбить карету на ходу? Нет, но его посадили в тюрьму, пытали, заставили оговорить себя и казнили. Судьям было плевать на то как было получено признание, если под пытками признался, значит виновен. А многие боялись пыток настолько, что готовы были врать, лишь бы их не мучали. Что хуже, инквизиционный суд отказывался проводить судебные поединки, так что простолюдинам лучше было не попадать в неприятности и вести себя со стражей и богачами поучтивей.

Вот как было заведено в тюрьмах, на примере королевской тюрьме Шатле, находившейся в непосредственном ведении парижского прево (чиновник, отвечавший за исполнения суда). Судя по ордонансам, в конце XIV в. Шатле была переполнена до такой степени, что тюремщики не знали, куда помещать новых заключенных.

При этом тюремное заключение было платным. Так, только за само помещение в тюрьму обвиняемый должен был заплатить определенную сумму, согласно своему социальному статусу: граф - 10 ливров (ливр - серебряная монета, равная 20 су или 240 денье), шевалье - 20 парижских су, экюйе - 12 денье, еврей - 2 су, а «все прочие» - 8 денье. Дополнительно оплачивалась еда и постель. «Прокат» кровати стоил в Шатле в 1425 г. 4 денье. Если заключенный приносил кровать с собой, то платил только за место (2 денье). Такой привилегией пользовались наиболее высокопоставленные преступники, помещавшиеся обычно в соответствующих их социальному статусу отделениях тюрьмы - "Cheynes", "Beauvoir", "Gloriette", "La Mote", "La Falle". На своих кроватях они спали в гордом одиночестве. Что касается прочих, то ордонанс запрещал тюремщикам помещать на одну койку больше 2-3 человек (в помещениях "Boucherie", "Griesche"). Заключенный в "Beauvais" спал на соломе за 2 денье, а в "Puis", "Gourdain", "Berfueil" и "Fosse" платил 1 денье (видимо, за голый пол).

Социальное неравенство проявлялось и в питании. По закону преступникам полагались лишь хлеб и вода, но «благородный человек» имел право на двойную порцию, а по особому разрешению прево - на помощь семьи и друзей. В самом выгодном положении находились те, кто был посажен в тюрьму за долги, - их содержали кредиторы. Приятное разнообразие в меню вносили лишь пожертвования частных лиц, церковных учреждений и ремесленных корпораций. Они состояли обычно из хлеба, вина и мяса, но происходили только по праздникам.

Мужчины и женщины содержались в тюрьме отдельно. То же правило пытались ввести и в отношении подельников, однако, из-за большой скученности, это не всегда удавалось. Тюремщикам запрещались любые физические и моральные издевательства над заключенными, тем более, что особо опасные преступники находились в карцере (cachot) или «каменном мешке» (oubliette) или бывали закованы в цепи (за которые сами же и платили).

А вот как матерые преступники норовили смягчить свою участь и избежать попадания в тюрьму. Характерным примером являются показания банды парижских воров под предводительством Жана Ле Брюна, арестованной в сентябре 1389 г. Каждый из них, представ перед прево и его помощниками, объявил себя клириком и потребовал передачи дела в церковный суд, ссылаясь на наличие тонзуры (о причинах такого поведения я скажу ниже).

Когда же выяснилось, что все тонзуры фальшивые, их обладатели дали практически одинаковые показания. Так, Жан ла Гро признал, что, по совету товарищей, сделал себе тонзуру, «чтобы избежать ареста и наказания в светском суде и чтобы продлить себе жизнь». Жан Руссо уточнил, что «если бы он был случайно схвачен, он бы пропал». А Жан де Сен-Омер, поясняя свое желание оказаться не перед светским судом, а в тюрьме парижского официала, заявил, что там «никто еще не умер».

Члены банды Ле Брюна по своему опыту или по опыту своих «компаньонов» хорошо знали, что представляет собой тюрьма. Избежать заключения значило для них изменить судьбу, обмануть смерть.

Идентификация себя с клириком не была, как представляется, случайной для средневекового преступника. Возможно, она имела значение, выходящее за рамки простой мимикрии: выше я уже делала предположение о том, насколько привлекательным мог казаться для подобных людей образ одиночки, каким в их представлении был настоящий клирик.

Не менее желанным был и образ «достойного человека» (*homme honnête*), связанный в первую очередь с хорошей, дорогой одеждой. Отношение судей к обвиняемому прежде всего зависело от его внешнего вида. Кашмаре подтверждает это на примере некоего Перрина Алуэ, плотника, арестованного 23 января 1390 г. за кражу из аббатства Нотр-Дам в Суассоне серебряных и позолоченных сосудов.

Алуэ не стал отрицать своей вины: казначей аббатства задолжал ему за работу, тогда как Перрин испытывал нужду в деньгах. Разгневанный таким отношением к себе, «по наущению Дьявола» (*par temptation de l'ennemi*), он совершил кражу. Несмотря на признание Алуэ, судьи посчитали его «достойным человеком, не нуждающимся в деньгах, поскольку он хорошо и достойно одет...», что позволило им не применять к нему пыток.

Обратная ситуация отражена в деле Симона Лорпина, арестованного 9 августа 1391 г. по подозрению в краже одежды: двух рубашек, шерстяной ткани и куртки. Симон, естественно, отрицал свою вину. Однако судьи были иного мнения: учитывая показания свидетелей, которые видели Симона накануне предполагаемой кражи «в одном рванье», а также то, «что куртка ему не подходит и, скорее всего, является ворованной и что упомянутый заключенный не одет даже в рубашку, а также [учитывая] что он, что [представляется] более правдоподобным, для приезда в Париж, чтобы быть [одетым] более чисто и сухо, надел одну из упомянутых рубашек» они решили послать его на пытку.

Учитывая общие гонения бродяг и нищих, а также оценки суда по внешности, бандиты старались хорошо выглядеть. Постановление Парижского парламента от 1473 г. свидетельствовало: «Чтобы противостоять воровству и поджогам, шулерству и грабёжам, которые постоянно происходят в Париже, как среди белого дня, так и ночью, [следует знать] многочисленных парижских бродяг, одни из них неразличимы, некоторые притворяются чиновниками, [например,] сержантами, а другие одеты в многочисленные и богатые одежды, носят шпаги и большие ножи, что не соответствует никакому званию или благонамеренному образу жизни».

В признании уголовного преступника проскальзывало описание внешности сообщника, чаще всего внимание обращалось именно на костюм (который, по-видимому, обновлялся достаточно редко, что давало судьям возможность разыскать человека по этим приметам). Иногда такое описание изобиловало деталями: «И сказал, что это довольно крупный мужчина, лет сорока, с круглым лицом, весьма жирненький и невысокого роста, с носом-картошкой, [что] он хорошо говорит по-французски и одет в старый плащ коричневого цвета и старые штаны, и на этих

плаще и штанах полно разноцветных заплаток».

На добром отношении тюремщиков к заключенным (как хозяина постоянного двора к своим гостям) настаивало и королевское законодательство того времени (Porteau-Bitker A. Op. cit.). Не менее интересным представляется вопрос об отношениях преступника и палача — этих двоих также, по всей видимости, связывала особая близость. На это указывает, в частности, сам ритуал смертной казни (прощение, даруемое осужденным своему палачу; обмен поцелуями на месте казни и т.д.). Именно тюремщик и палач выступали символическими наследниками казненного преступника — его личные вещи поступали в их распоряжение.

Впрочем, исповеди для приговоренных к смерти обычно не проводилось, хотя она была официально разрешена в 1397 г., но судьи восприняли ее негативно. Преступники могли покаяться в грехах перед казнью (виселица или плаха) при всем народе, а специальный писарь записывал эти показания, дабы потом использовать их для обвинения других негодяев. Обычно до вынесения приговора заключенных держали в тюрьме пару месяцев, в редких случаях более десяти месяцев. Были случаи когда человек не признавался под пытками, что хотя и приводило к повторным пыткам, но вполне могло сохранить жизнь.

Так 26 мая 1390 г. был арестован Тевенин де Брен. Он обвинялся в игре на деньги в карты и в шулерстве, из-за которого пострадали несколько парижских студентов: Тевенин выманил у них не только все деньги, но даже одежду. Обвиняемый был хорошо знаком судьям Шатле, поскольку уже изгонялся из Парижа за подобные делишки. На этот раз он вернулся раньше срока, что позволило, учитывая его «дурную репутацию», сразу послать его на пытки.

Но здесь судей ждало первое разочарование. Вместо того, чтобы подчиниться решению, обвиняемый надумал подать апелляцию: «Этот Тевенин заявил, что ничего дурного не совершал и что из-за ущерба, который, по его словам, причинил ему лейтенант [прево], он будет апеллировать в парламент».

Только через неделю, когда апелляция была рассмотрена и отклонена, судьи смогли привести свое решение в исполнение. Но ни первая, ни вторая, ни даже третья пытка (7, 9 и 19 июня соответственно) не дали никаких результатов.

Тевенин не говорил ничего. В заседаниях был сделан перерыв, и только 6 октября обвиняемый опять предстал перед судом и опять отказался давать показания. Судьям не оставалось ничего иного, как только снова послать его на пытку, на этот раз голышом (*fu despoille tout nu*). Тевенин по-прежнему молчал.

Он пробыл в тюрьме больше года прежде, чем судьи собрались с духом и вынесли приговор. Столь длительное заключение было явным отклонением от нормы, однако судьи, возможно, еще надеялись услышать признание Тевенина и потому пошли на нарушение правил. Надеждам их не суждено было сбыться: «Учитывая обвинения, сделанные упомянутыми студентами, принимая во внимание их положение и личности, [а также] личность заключенного, который является испорченным человеком с дурными наклонностями, то, что с помощью его признания нельзя доказать его преступления, [поскольку] когда кто-то совершает преступление, он не зовет свидетелей, и то, что он - неисправим...», судьи приговорили Тевенина к изгнанию навечно из французского королевства и постарались забыть о его существовании.

К людям с подмоченной репутацией относились с предубеждением, ставящим их в заведомо невыгодное положение на суде. Так проститутка, изнасилованная монахами местного монастыря, обратилась за справедливостью в суд. При рассмотрении дела защита настаивала

на том, что самого факта преступления не было, поскольку невозможно было изнасиловать «публичную женщину». (К несчастью, тут автор книги поленился дописать концовку истории, но догадаться не сложно. Скорей всего, монахи не получили никакого наказания).

PS. Крупным недостатком является невозможность найти текст конкретного судебного дела, чтобы суметь выстроить сцену судебного заседания. Судьи, присяжные, адвокаты – все это как-то мало представлено исследователями, которым главное общность, а не доскональная передача атмосферы делопроизводства того времени. Впрочем, кое-какие выводы есть.

Чтобы не оказаться казненным и замучанным, имей приличную репутацию, выгляди достойно, умей красиво говорить, имей связи, сознайся, если преступление не очень тяжелое, покажи раскаянье, либо терпи все пытки и не признавай вины, тогда шанс на выживание наиболее велик.

Что до самого дела, то кроме пыток были тщательные опросы причастных к делу, поиск свидетелей и улик. Хотя слишком долго дело вести не хотели, если заключенный упрямился и отказывался приходить на заседания, молчал под пытками, вел себя непреклонно, то судьи могли превысить полномочия и держать узника куда дольше положенного. Особенно их бесила апелляция в высшие инстанции. Обвиняемый должен был быть особенно осторожен в словах, поскольку его тут же подловили бы на противоречии и вполне могли б казнить за лжесвидетельство вместо изначального приговора. Но из некоторых примеров, я понял, что были дела сфабрикованные, где обвиняемый был жертвой политических игр. При дырявой системе, где пытки важная часть добычи доказательств, всегда будут проблемы со справедливостью приговора.

PPS. Для фэнтези с магией, обычные каноны суда не работают. Всегда есть волшебные методы изучения памяти обвиняемого или детекторы лжи. Именно поэтому будет сложно составлять заговоры против королей и надеяться на сокрытие преступления. Попался в лапы закона, твою память обнародуют и сразу определяют, какие грехи на тебе висят. Тут никакой адвокат не поможет, никакие оправдания не сработают. Как максимум суд может быть с тремя судьями, но свидетелей звать вряд ли станут, как не станут использовать присяжных. Посадят мозгового слизняка на черепок или очаруют, и заставят правду выложить перед всеми свидетелями суда. Не исключены магические подтасовки, но, если есть маг со стороны, он вполне может раскрыть нечестность суда и устроить скандал. Правда, есть некий предел, который стоит установить суду. Если королева страны красивая или король козлина, то лучше бы судьям не озвучивать мнение подсудимых на их счет, иначе их всех придется казнить за оскорбление государя и государыни. Исключение: подозрения в предательстве.

<http://tl.rulate.ru/book/7452/222629>